

История Талышского ханства

Теймур бек Байрамалибеков

Институт Рукописей НАН Азербайджана, 1-го сентября 1885 года

(Шифр: Д-687/28597)

Мир Мустафа-Хан Талышинский был сын Кара-Хана, являющегося родным сыном Мир Аббас-Хана, прибывшего из Персии в Талышский край, где он, как благочестивый, справедливый, набожный и добрый сеид, происходящий от прямых потомков Магомета, был избран всеобщим народным голосованием Халифом для управления страной. По смерти Мир Аббас-Хана, халифом стал его родной сын – Мир Кара-Хан, который как законный наследник, стал владеть Талышинским Ханством самостоятельно и независимо от Персии, хотя оно номинально считалось в ее подданстве, а после него вступил в управление ханством Мир Мустафа-Хан, который будучи храбрым, воинственным и надеясь на свою силу, вовсе не признавал даже номинального подчинения Персии, питая на душе тайное намерение перейти в под протекторат России, опасаясь посягательства Персии на его независимость и самостоятельность. У Мир Мустафа-Хана были следующие дети: шесть сыновей – 1)Мир Гасан-Хан 2)Мир Гусейн-Хан 3)Мир Маммед-Хан 4)Мир Акпер-Хан 5)Мир Аббас-Хан 6)Мир Исмаил-Хан и две дочери: Бягим Ага-Ханума и Беюк Ханум.

Узнав о наступлении императорских войск в подвластный ему Северный Азербайджан, Фет-Али-Шах обеспокоился и очень встревожился, опасаясь за целостность своего государства; а потому он, чтобы привлечь на свою сторону Мир Мустафа-Хана, как близкого сильного соседа и иметь в нем военную поддержку, хотел породниться с ним, желая женить своего наследника – Аббас-Мирзу на его дочери – княжне Бягим-Ага Хануме. Для этой цели он снарядил в Мае 1803 года и отправил сватов, состоявших из

двадцати высокопоставленных сановников и почетных духовных лиц во главе с министром иностранных дел Мирза Бизюрк-Ханом и главным придворным Муштаидом Ага-Мир-Фаттою, коих Мир Мустафа-Хан принял достойно и любезно.

Передав привет от своего повелителя, Мирза Бизюрк Хан вручил Мир Мустафа-Хану конфиденциальное письмо английского консула, написанное по-фарсидски с таким обращением: «Ваше ханское сиятельство. Его Шахское величество соблаговолило сватать вашу дочь – княжну Бягим-Ага-Хануму за своего наследника – Аббас-Мирзу и намеревается заключить с Вами военный союз, прошу Вас исполнить желание Шахан-Шаха, ибо это родственное сближение принесет Вам обоим впоследствии большую пользу во всех отношениях. Хотя Вы имеете ориентацию к русскому императору, по примеру Закавказских ханов, надеюсь, что он предоставит Вам право на сохранение своей самостоятельности и независимости, но я искренно не советую Вам перейти под протекторат России, ибо самодержавный царь сначала погладит Вас по головке, а потом, подчинив своей власти, он задушит Вас, держа своей железной пятой, под которой Вы долго будете стонать и вопить; но на Ваш стон и вопль никто не откликнется, и тогда вы не сумеете освободиться из-под тягостного гнета самодержавия. В заключение считаю нужным привести следующую притчу, имеющую глубокий мудрый смысл: в лесу на обширной площади, покрытой густою сочною травою, паслись дикий козел и одичалый конь, которые жирели и тучнели день ото дня от сытного корма, живя между собою дружно и мирно в благостройном спокойствии; но впоследствии козлиная дружба опротивела коню и окончательно расстроилась, благодаря беспокойной шалости козла, который, желая играть с конем, то бодал его рогами, то стучался лбом в брюхо, то упирался поднятыми передними ногами в его тело; словом, он своею драчливостью надоедал и причинял большое беспокойство коню; поэтому он просил аллаха прислать человека выручить его из адской тяжелой

жизни, дав себе слово покориться ему и исполнять безропотно все его работы, лишь бы избавиться от драчуна – козла навсегда. Не успел произнести свою мольбу, как неожиданно из лесу вышел дровосек с вязанкою дров на спине. Узрев издали пасшихся на лугу козла и коня, он положив наземь свой груз, сделав из веревки обротъ, направлялся к ним. Увидевши приближавшегося человека, козел удрал и быстро скрылся, а конь не двигался и стоял на своем месте, как вкопанный. Дровосек смело подошел к нему, быстро схватил его за гриву, живо надел на голову ему обротъ, навалил на него свою ношу, сел и приехал к себе домой. Приготовив вьючное седло, дровосек оседлывал ежедневно рано утром пойманного жеребца и ездил в лес за дровами, доставляя их в город для продажи. Через короткое время дровосек стал зажиточным, продавая дрова два раза в день, но зато конь худел день ото дня от тяжелых работ, лишившись набранного на воле жира, сильно раскаиваясь в своей грубой ошибке и опрометчивости, но уже было поздно; бывший великолепный, красивый жирный жеребец стал исхудалюю, изнуренною извозною клячею. Возвращаясь однажды из лесу в город, этот конь, тяжело навьюченный плахами дров, увяз в топком и вязком месте и как ни старался выкарабкаться, не мог освободиться и, выбившись из сил, упал в грязь и издох».

Остерегательное письмо английского посланника при Персидском дворе заканчивалось такими словами: «Ваше ханское сиятельство. Остерегайтесь от той печальной участи, какая постигла несчастного жеребца, околевшего от истощения сил и мочи. Подумайте о будущности Ваших потомков, не погубите их и не делайте несчастными. Пока Вы живы, Ваши родственники могут пользоваться внешним почетом и вниманием со стороны императорского правительства, но после Вашей смерти они лишатся своей независимости и свободы и будут порабощены; а Ваша страна сведется к полному подчинению и эксплуатации, превратившись в рабскую колонию

русского самодержавного царя. Сжальтесь над своими потомками и не доведите их до рабства».

Когда письмо английского посланника было прочитано ханским секретарем – Эмиром Кулибеем во все услышание, в присутствии всех приезжих гостей и придворных чиновников, тогда Мирза Бизюрк-Хан просил Мир Мустафа-Хана не отказать в просьбе Шахан-Шаха, желающего женить своего наследника Аббас-Мирзу на его дочери – княжне Бягим-Ага-Хануме, приняв во внимание ту громадную пользу, какую доставит это родство впоследствии обеим сторонам, обязав обоих родственников помогать друг другу в случае могущей быть опасности и необходимой военной нужды. Все присутствовавшие лица присоединились к мнению Мирза-Бизюрк-Хана и просили исполнить желание шаха. Дав свое согласие на шахское предложение и высказав свою благодарность Мирза-Бизюрк-Хану за высокую великую честь, оказываемую ему его шахским величеством сим сватовством, Мир Мустафа-Хан приказал своему секретарю принять и представить следующие привезенные свадебные предварительные подарки ханше: одну дорогую тирмя-шаль, стоившую 800 золотых рублей, один крупный бриллиантовый перстень – ценою в 3000 рублей, пару роскошных бриллиантовых серег стоимостью в 4000 руб. одно золотое зеркало с бриллиантовою оправою, ценою в 6000 руб. и одно большое ожерелье из крупных жемчужин, ценою в 5000 руб. Породнив шаха и заключив вдобавок военный союз с Мир Мустафа-Ханом Талышинским, Мирза-Бизюрк-Хан и вся свита, погостив две недели, выехали обратно в Тегеран с конфиденциальным письмом к шаху, в котором Мир Мустафа-Хан «уверял его в своей преданности и глубоком почтении к нему, поклявшись священным Кораном не нарушить условленного союза, не изменять ему никогда и в силу состоявшегося родства обязался помогать шаху во всех военных действиях против внешних и внутренних врагов, соблюдая данное условие свято и ненаруσιμο».

По отъезде из Ленкорани вышеупомянутых высокопоставленных лиц, Мир Мустафа-Хан, невзирая на свою обещанную священную клятву, не откладывая своего задуманного серьезного дела в долгий ящик, созвал экстренный ханский совет для обсуждения и разрешения вопросов о совершившемся сватовстве и о военном союзе с Фет-Али-Шахом, пригласив всех своих придворных сановников с секретарем Эмир-Кулибеем во главе, почетных ахундов с муштаидом и других влиятельных богатых купцов, на котором он обратился к собравшимся лицам со следующей речью: « Дорогие братья, хотя я принял предложение Фет-Али-Шаха, согласившись выдать свою дочь за его сына, наследника персидского престола – Аббас-Мирзу, заключив даже с ним военный союз для оказания друг другу взаимной помощи во время войны с кем-либо, но теперь я совершенно раздумал и категорически отказываюсь от его родства и союза с ним, мотивируя тем, что он желает породниться со мною не из-за моей дочери, а замышляет увеличить свою территорию присоединением к ней моей земли путем хитро задуманного сватовства, намереваясь лишить меня моей самостоятельности и независимости; а потому я не верю ему, опасаясь его злого умысла. Если я согласился на родство с Фет-Али-Шахом, то я совершил эту сделку с заранее обдуманной целью, как диверсию, дабы отвлечь его внимание и снять с себя всякое враждебное подозрение: успокоив его временно, я хочу заручиться покровительством белого могущественного русского царя. Следовательно, для достижения моей заветной мечты необходимо отправить депутацию в Петербург к императору с ходатайством о принятии Талышинского ханства под свой милостивый протекторат для того, чтобы обезопасить себя от Персии».

Услышав из уст своего повелителя слово о приглашении «русов» в Талыш, все присутствовавшие на собрании лица яростно протестовали против его мнения, не желая прихода императорских войск, во избежание агрессии; а ханский секретарь Эмир Кулибей выступил против него такими

доводами, выражаясь резко: «Будучи жадными и алчными к захвату чужих земель у слабых государств и к порабощению других национальностей, имея в своём распоряжении бесчисленное множество храбрейших, доблестных и неустрашимых солдат, - русские самодержавные цари, обуреваемые и одушевляемые ревностным желанием расширить свою территорию за счёт других, поставили себе целью покорить и подчинить своей власти все мусульманские государства и ханства, держать их под своим гнѐтом и железной пятой, стараясь стереть их с лица земли, пользуясь их неподготовленностью к войне, распространяя свою религию среди нас, вытесняя нашу; а потому мы просим и умоляем тебя, Хан, опомниться и не погубить нашей родины и избавь нас от опасных врагов, которые, как победители, могут закабалить и задушить нас своими притеснениями разными поборами и налогами, надеть на всех талышинцев свое тягостное ярмо, отняв твою самостоятельность и независимость. Лучше теперь отказаться от своего пагубного намерения, а после будет поздно: тогда никто не сумеет помочь тебе и нам; а потому нам придётся долго стонать под оковами царского самодержавия, лишившись своей золотой воли и свободы».

Игнорировав все приведѐнные доводы и оставив их без всякого внимания, Мир Мустафа-Хан лаконически и решительно заявил им: «Русы» приглашаются мною для охраны и защиты моей страны от насильственного вторжения персов на мою территорию; поэтому я и слушать Вас не хочу, ибо я охотно поверю великодушному «белому царю», нежели коварному деспотическому шаху».

Объявив собрание закрытым, он добавил: «Вы были приглашены сюда для того, чтобы узнали о моѐм намерении, а не для подачи совета, так как я никому не позволю вмешиваться в мои политические дела».

Удручённые, взволнованные самым неприятным впечатлением, полученным от речи Мир Мустафа-Хана, все слушатели разошлись по домам, передавая его анафеме за безрассудный поступок.

Настояв на своем требовании, Мир Мустафа-Хан избрал депутацию из самых достойных, толковых, опытных и преданных ему советников вместе со своим сыном – Мир Гасан-Ханом, во главе, состоявшую из десяти почётных уважаемых лиц. Все привезённые Мирза Бизюрк-Ханом ценные вещи были присвоены Мир Мустафа-Ханом, и, как утверждали внуки его, переданы своему сыну – Мир Гасан-Хану для поднесения их государыне – императрице – Елизавете Александровне, супруге Александра Первого.

Получив наказ и вышесказанные дорогие подарки для царицы, депутация выехала 1-го июня 1803 года верхом на лошадях из Ленкорани в сопровождении своих вооружённых всадников и нукеров с ханским ходатайством перед государём императором о принятии Талышинского Ханства под свое покровительство, дабы обезопасить его территорию от вторжения Персии и обеспечить его свободное существование и независимость. Она ехала через Джеватское ханство по старой Гаджикабульской дороге в Тифлис, где она представилась генерал-лейтенанту князю Цицианову, как главнокомандующему, который, узнав о цели поездки её в Петербург, вручил ей официальный приказ на имя всей администрации об оказании ей содействия в беспрепятственном проезде и о гарантировании ее от могущей быть на пути опасности. После изнурительного месячного томительного пути, депутация, перенося всевозможные лишения и невзгоды на дороге, подвергаясь разным опасностям, благополучно прибыла в Петербург, где она через неделю была принята благосклонно императором Александром 1, который, благодаря доброму влиянию своего воспитателя, швейцарца Логарна, ученого педагога – филантропа, являвшегося защитником слабых, свободных самостоятельных стран и врагом всякого насилия и произвола, уважил просьбу талышинцев и согласился дать

высочайшую грамоту на имя Мир Мустафа-Хана Талышинского о сохранении его независимости, самостоятельности, всех ханских прав и владений; взяв Талышинское ханство под свое покровительство, производя самого Мир Мустафа-Хана в генерал-лейтенанты, а сына его - Мир Гасан-Хана в полковники за добровольный переход под протекторат России.

Взяв у министра иностранных дел на прощальной аудиенции высочайшую грамоту, Талышинская депутация выехала обратно на родину и прибыла в середине августа в Ленкорань, где она вручила ее лично Мир Мустафа-Хану. Получив царский приказ о принятии Талышинского ханства под протекторат могущественного Российского императора, наградившего его генеральским чином, он от радости устроил большой торжественный банкет, пригласив всех богатых именитых купцов, придворных чиновников и муштаида со своими главными почетными ахундами. Находясь в восторге от прекрасного результата, достигнутого депутациею, он, не скрывая своего счастья, обратился к приглашенным и с пафосом произнес: «Братья, благодаря моей политике, мы теперь гарантированы навсегда от нападения Фет-Али-Шаха, который не осмелится «всунуть свой длинный нос» в мою территорию, боясь могущественного белого царя, а потому мы надолго можем наслаждаться благополучием нашей тихой и спокойной жизни, не нарушая тишины и порядка.»

Услышав эту речь, все встали со своего места, подходили к нему поодиночке и поздравляли его с этим «отрадным событием в жизни талышинцев», желая ему здоровья на многие лета; но только ханский секретарь – Эмир Кулибей был угрюм, мрачен, и не только не поздравил его, но он наоборот пессимистически высказался против этой гнусной проделки, предвидя дурные последствия, сказав: «Наша спокойная жизнь недолго продолжится, ибо шах отомстит нам за нашу опрометчивость, оплошность и необдуманность до прихода императорских войск, которые в случае войны с Персией выручат тебя из беды без сомнения, одержав блестящую победу над

нею, спасая твою самостоятельность и твои владения; но зато после твоей смерти, твои потомки и крестьяне долго будут стонать и страдать, находясь под гнетом самодержавного царя. Словом, ты своим действием погубил навсегда свою родину, превратив ее в будущую рабскую колонию русского императора, могущего держать мусульман в ежовых рукавицах и распространять вдобавок свою религию, вытесняя нашу».

Хотя приглашение «русов» на Талыш держалось в строжайшей тайне, но оно скоро обнаружилось, несмотря на то, что Мир-Мустафа всегда переписывался с министром иностранных дел – Мирза-Бизюрк-Ханом и в своих переписках уверял его в искренней преданности и в глубоком благоговейном почтении к Фет-Али-Шаху, который не обращал должного внимания на вероломный и коварный поступок Мир Мустафа-Хана по следующим доводам: во первых, он был сильно и серьезно занят в течение четырех лет усмирением восставших Закавказских ханов; во вторых, он предполагал и даже был убежден в том, что тот, как клятвонарушитель, опомнившись и раскаявшись в своем преступном и изменническом поведении, опять вернется на его сторону, но грубо ошибся, что доказывает нижеприведенный факт: желая склонить Мир Мустафа-Хана на сторону Шахан-Шаха, Мирза-Бизюрк-Хан отправил к нему его двоюродного брата – Сеид Казым-Хана, надеясь, что он сумеет повлиять на своего упрямого кузена, но его предположение не увенчалось успехом: прибыв в Ленкорань с означенным поручением в качестве примирителя, Сеид Казым-Хан, как родной доброжелатель, стал упрашивать и уговаривать его присоединить своих аскеров к персидским и вместе бороться против императорских войск, дабы прогнать их обратно и освободить Закавказье от них навсегда, уверяя его в том, что Шахан-Шах даст ему грамоту на вечное независимое владение своим ханством, да вдобавок расширит его территорию, назначив новую границу, начиная от Энзелинского Мордаба до речки Болгар-чай, принимая во внимание, что пребывание царских армий пагубно отразится на свободном

существовании Закавказских ханов и обратит всех мусульман в бессловесных рабов. Выслушав все вышесказанные доводы Мир Мустафа-Хан отверг его предложение и не исполнил просьбы, сказав: «Я готов быть рабом русского самодержавия, нежели самостоятельным ханом персидского шаха».

Потерпев полное фиаско, Сеид Казым-Хан вернулся в Тегеран и доложил обо всем Мирза-Бизюрк-Хану, коим доведено было до сведения Фет-Али-Шаха. Потеряв всякую надежду на примирение с «упрямым талышом» последний немедленно послал курьера с экстренной эстафетой в Тавриз к наследнику Аббас-Мирзе о принятии репрессивных мер к наказанию коварного изменника – Мир Мустафа-Хана Талышинского. Получив строгий приказ, принц повелел Аманулла-Хану двинуть свое войско на Талыш, захватить клятвонарушителя и доставить его живым в Тавриз для передачи смертной казни.

Сделав распоряжение об отправке необходимого количества войск под начальством своего сына Мир Гасан-Хана для оказания сопротивления наступающему под командою Аманулла-Хана персидскому отряду, Мир Мустафа-Хан, боясь, что неприятель может застать его врасплох и взять в плен, перенес свою резиденцию из городской крепости в приморское селение Гамушевань, защищенное с востока Каспием, с запада Гамушеванским озером, с юга он огородил его широкою глубокою водною канавою, соединив озеро с морем, вывел над краем ее высокий земляной вал и построил таким образом недоступную крепость, могущую смело отражать вражеское наступление.

Чтобы отразить и остановить нашествие неприятельских персидских полчищ, Мир Гасан-Хан пошел со своими ратниками против Аманулла-Хана с целью сопротивляться ему: при встрече двух неприятельских войск произошла ожесточенная и отчаянная битва, продолжавшаяся с восхода до заката солнца, окончившаяся полною неудачею для талышинцев, которые, несмотря

на свое мужественное сопротивление, потерпели жестокое поражение от персидской армии и обратились в позорное бегство со своим полководцем Мир Гасан-Ханом и с большим трудом им удалось избежать грозившего им поголовного истребления, успев во время скрыться от преследования врагов в селение Кирдяны и оттуда переправились на киржимах и лодках по озеру в укрепленное селение Гамушевань, где Мир Мустафа-Хан ждал их с нетерпением, опасаясь за жизнь своего сына. Все побежденные воины, разбежавшиеся от страха в разные стороны, постепенно являлись сюда, как на сборный пункт и проживали здесь временно в ожидании возобновления нового сражения, надеясь одержать победу над войском Аманулла-Хана с помощью императорских солдат; но узнав о том, что по Мугани идут на Ленкорань через Гамушевань Сулейман-Хан и Ибрагим-Хан, имея каждый в своем распоряжении по 5000 (пять тысяч) сарбазов под начальством Каджарского Мустафа-Хана, Мир Мустафа-Хан покинул Гамушевань и переехал на киржимах со всеми жителями, семействами и войсками на остров Сару на жительство, будучи не в силах бороться против них, дабы обезопасить себя от приближавшегося натиска неприятеля. Разбив наголову Мир Гасан-Хана и нанеся смертельный удар его войску, Аманулла-Хан, как победоносный полководец, триумфально въехал в Ленкоранскую крепость, где оставшиеся жители во главе с почетными стариками и ахундами встречали его с хлебом и солью, вручив ему ключи от крепости. Ему была отведена в ханском дворце роскошная квартира, убранная прекрасными коврами, розами и гирляндами зелени, с цветами, устроено было отдельное угощение ему и его армии. Несмотря на радушное гостеприимство, оказанное ему обывателями, он арестовал всех парней и отправил их в Ардебиль и Решт на жительство, боясь, что они могут перебежать к своему хану на помощь, а мужчин средних лет, и даже стариков казнил за то, что они не могли остановить своего взбалмошного, безрассудного хана идти против единоверного шаха. В этой войне погибла масса талышинцев и осталось много сирот и вдов, благодаря зверству и бесчеловечности Аманулла-Хана,

не дававшего никому пощады, мстя Мир Мустафа-Хану за его большое зло, пагубно отразившееся на его несчастных крестьянах.

Сулейман-Хан и Ибрагим-Хан со своими отрядами, под командою Каджарского Мустафа-Хана прибыли в Ленкорань 1 Июня 1812 г. через селение Гамушевань, найдя его пустым, видя одно доброе, приветливое отношение на своем пути со стороны крестьян, которые везде встречали их с хлебом и солью, и доставляли им самим и войскам их провиант, съестные припасы и фураж бесплатно. Приходом упомянутых военных сил количество персидских войск в крепости увеличилось и сосредоточилось до 15 тысяч отборных сарбазов.

Узнав о взятии Ленкоранской крепости и о бегстве Мир Мустафа-Хана на остров Сару и зная, что он, как разбитый и побежденный враг, не осмелится напасть на крепость, невзирая на нахождение при нем русского отряда в количестве 400 солдат под командою капитана 1-го ранга Веселого, Аббас-Мирза взял из войск Талышинского Ханства 13 тысяч воинов на подмогу себе и, оставив в крепости только один гарнизон в 2000 человек под оружием, под командою Гаджи Ахмед-Хана, двинулся в августе 1812 года с 12-тью орудиями и 30 тысячною армиею к Араксу на Карабаг с целью отвоевать отобранные у него бывшие подвластные ему ханства обратно, намереваясь использовать восстание Закавказских ханов против императорского русского владычества; «но он, вблизи Асландузского брода, у реки «Дарвад-чай», потерпел полное поражение от внезапной атаки двухтысячной армии под командою молодого, храброго полководца – генерала Котляревского; персидские полчища потеряли все свои орудия и знамена, пятьсот аскеров взято в плен, а десять тысяч персов насчиталось на поле сражения убитыми, по окончании битвы, сам же Аббас-Мирза едва спасся утром, пробившись с 20 всадниками, ускакал из виду в Тавриз без оглядки, оставив свое воинство на произвол судьбы», как повествует событие

минувших времен военный историк – генерал-майор Потто во втором томе своей книги «Утверждение русского владычества на Кавказе.»

Узнав о переводе тринадцати тысяч сарбазов из Ленкоранских персидских войск в армию Аббас-Мирзы и будучи уверен в том, что оставшийся в крепости отряд в 2000 воинов не осмелится напасть на него – Мир Мустафа-Хан, оставив свое семейство, женщин, детей, стариков и старух на острове Саре с двумястами вооруженными караульщиками, в конце июня 1812 года переехал со своими войсками и с находившимся при нем русским батальоном капитана Веселого обратно в Гамушевань, где он, приняв во внимание приближение дождливого осеннего и холодного зимнего периода, заранее обеспечил войско необходимым зданием, построив обширные, теплые казармы для солдат, большие просторные конюшни и хлевы с яслями для лошадей, рогатого скота и баранты, уютное помещение для офицеров, особый отдельный дом под квартиры для самого генерала и военного штаба, зная отлично, что Котляревский придет для взятия Ленкоранской крепости. Построены были также амбары для хранения съестных припасов, для обеих войск и кухни. По приказанию Хана, провиантмейстер заготовил провиант вдоволь и все нужные припасы, коими он наполнил провиантские магазины. Привезены были из лесу в достаточном количестве дрова, из селений сено, саман, ячмень и отруби для лошадей. Словом, провиантмейстер приготовил заблаговременно всю нужную провизию для людей и фураж, зная хорошо, что по наступлении дождливой осени прекращается всякое сообщение между его станом и селениями, вследствие отсутствия колесной дороги, превращающейся в это время в непроходимое болото - грязи; а потому покупатель лишён всякой возможности приобретать что-либо необходимое. Запасшись таким образом заблаговременно всем нужным и потребным количеством на зиму дров, фуража и скота, как для своей, так и для шедшей на помощь ему императорской армии, Мир Мустафа-Хан, опасаясь нападения персидских

войск на его резиденцию, ждал с нетерпением своего освободителя и спасителя генерала Котляревского, «который, уничтожив своим двухтысячным отрядом 30-ти тысячную армию Аббас-Мирза дотла» и получив подкрепление из Мигри выступил в поход из Агоглана в Талыш с одною дивизией в 1500 пехотинцев, 500 казаков с 6-ю орудиями и переправившись 18 Декабря через Аракс, на другой день прошёл 80 километров по Мугани напрямик без дорог через солончаки, вязки и топи, не имея ни дров, ни воды, даже ни провита, ни фуража, борясь со стужей и мятелями, преодолевая отважно все трудности, препоны и преграды, встречаемые на своём тяжёлом мучительном пути. Наткнувшись на степи 20 Декабря на кочевых шахсеванцев, которые частью разбежались, частью попали в плен, потеряв весь свой скот, Котляревский вступил 20 того же месяца в пределы Талышинского Ханства, где найдено было около трёх тысяч Карабагских семейств, уведённых иранцами в плен; а прикрывавший пленных персидский отряд конницы, состоявший из 500 всадников, увидев издали приближение русских войск, бежал второпях в Аркевань, оставив захваченных в неволю людей без надзора. Рассеяв передовой отряд персов, шедший на усиление своих войск в Талышинском ханстве, Котляревский двинулся в Аркевань, оставив 22 Декабря на реке Караязе 200 пехотинцев, 170 казаков и одно орудие для прикрытия тыла и охраны отбитых карабагцев с пленными шахсеванцами. Комендантом Аркеванской крепости, считавшейся тогда недоступною, состоял Садых-Хан, который несмотря на свою храбрость и имея в своем распоряжении 2000 воинов с четырьмя пушками, мог не только оказать смело сопротивление наступающей дивизии Котляревского и даже нанести чувствительный урон, благодаря тем благоприятным стратегическим условиям, в какие она была поставлена; но он, не приняв никаких мер к защите своей позиции, оставив два орудия, весь артиллерийский запас, в громадном количестве провиант и фураж, покинул без боя своё укрепление и поспешно отступил перед врагом, невзирая на то, что оно защищено было с одной стороны рекою Виляж-чай, а с другой –

непроходимыми чалтычными топкими и вязкими местами, что давало ему большое преимущество и перевес над противником.

«Для преследования бежавших персиян Котляревский послал отряд в 400 егерей и 300 казаков под начальством подполковника Ушакова, который гнал и бил их на расстоянии 15 верст, убив до 300 неприятелей, взяв в плен 50 русских беглецов, отбив 600 лошадей». Несмотря на лёгкость успеха в победе над персами, Котляревский не забывал, что подкреплений ему ждать неоткуда и поэтому он старался обезопасить и упрочить за собою пройденный путь, для чего он оставил во взятой Аркеванской крепости 100 ратников с одним орудием, отправив назад на речку Караяз для защиты тыла 200 пехотинцев с одним орудием и всю конницу, пришедшую в невозможность далее действовать.

Таким образом из 1970 человек и из шести орудий, с которыми Котляревский выступил из Карабага, 970 воинов и три пушки были им оставлены в тылу для защиты и охраны.

Взяв Аркеванскую крепость без всякого сопротивления, благодаря опрометчивости и оплошности Садых-Хана, Котляревский обратился к жителям Талышинского Ханства со следующим воззванием: «Народы Талышинские. Войска великого и всемогущего на свете русского императора всероссийского пришли сюда освободить вас из рук персиян – ваших разорителей. Оставайтесь в домах ваших и будьте уверены, что имущество ваше неприкосновенно. Русские – не персияне и не разбойники: они не будут грабить Вас. Я требую от Вас только, чтобы всякий, могущий носить оружие, обратил оное против ваших притеснителей – персов, кои будут вскоре наказаны войсками все милостивейшего моего государя императора, требую, чтобы вы добивали остатки сих изуверов и пересекли им пути к побегу, когда настигнет их наше победоносное оружие. Обещаю вместе с ним прощение тем из вас, которые обманом и обещаниями персидскими вовлечены были

предаться им добровольно. Таковые лица должны явиться ко мне, или к своему законному хану, не опасаясь наказания, ибо слово русское не есть слово персидское: русский не знает коварства и не имеет никакой нужды в обманах».

Это воззвание ободрило разорённых и ограбленных талышинцев, которые взявшись охотно за оружие, начали истреблять на горах и в лесах бежавших персиян.

Желая помочь Гаджи Ахмед-Хану присоединением своей армии к его войску, Садах-Хан двинулся с двухтысячным отрядом и с двумя пушками прямо в Ленкорань, идя по лесу и минуя Гамушевань, как укреплённую позицию Мир Мустафа-Хана. Прибыв на место своего служения он в тот же день, несмотря на свою усталость, созвал экстренный военный совет, на котором по детальном обсуждении вопроса об охране крепости, постановлено было защищать ее до последней капли крови и никоим образом не сдаться добровольно врагу. Комендантом крепости был выбран Садах-Хан, как опытный храбрый полководец, который вступив в отправление своих обязанностей, принял самые энергичные меры к защите крепости, дабы удержать её в своих руках, для чего возведены были батареи на углах для обстреливания подступов к укреплению с севера и запада, а с востока и с юга крепость была прикрыта морем и рекою. Поручив надзор за нею молодым офицерам и сарбазам, он сам зорко следил за движением русских войск, опасаясь внезапного нападения, имея в своём распоряжении 4000 отборных воинов.

В дополнение к постановлению военного совета Аббас-Мирза прислал Садах-Хану приказ такого содержания: «Надеясь на твою честность и глубокий патриотизм, я вполне уверен в том, что ты не изменишь своему отечеству, а будешь защищать вверенную тебе крепость до смерти, не отступая малодушно перед неприятелем, если даже целые горы вражеских

сил ополчатся и восстанут с ожесточением против тебя и твоих храбрых воинов, зная что защищаемая крепость составляет собою ключ к сердцу Персии. Да поможет тебе великий аллах в осуществлении нашей надежды».

Сие письмо было прочитано во всеуслышание всем офицерам и сарбазам, которые в один голос закричали: «Клянёмся аллахом и священным именем его пророка, что умрём, не сдадимся врагу живыми, а будем драться до смерти.»

Письма Котляревского и Садых-Хана друг к другу.

24-го Декабря 1812 года Котляревский выступил тихим шагом из Аркевани со всеми своими захваченными у врага трофеями и прибыл 25 того же месяца рано утром в Гамушевань, где он присоединил гарнизон Веселого к себе и составил отряд в 1500 человек, с которым он 26 декабря подошёл к крепости и в ту же ночь обложил её. Желая избежать кровопролития, Котляревский послал 27 Декабря коменданту крепости Садых-Хану письмо с требованием сдачи следующего содержания: «По воле моего главнокомандующего я пришёл освободить Талышинское владение из рук персиян и следовательно должен взять Ленкорань. Зная Вас, сколько со стороны храброго, столько же благоразумного предводителя, считаю необходимым предуведомить, что ваше сопротивление будет напрасно. Какой бы вы отличный полководец ни были, но вы не лучше Аббас-Мирзы, потерявшего при Асландузе десять тысяч убитыми, пятьсот пленными, все свои знамёна, орудия и у вас войско ныне не больше, как тогда было при Асландузе, где он едва спасся, пробившись с 20-ю всадниками и бежал в Тавриз, имея в своём распоряжении тридцать тысяч войск, а у нас всего было две тысячи бойцов. Воины великого всемогущего на свете Российского государя императора, разбившие Аббас-Мирзу на голову, теперь находятся здесь и сверх того присоединены к ним те герои, которые до сего времени находились в Талышинском ханстве. И так, когда Аббас-Мирза не мог

устоять против нашего победоносного оружия, невзирая на то, что его полчище числом превышало наше в 15 раз, то, конечно, вы отразить наш смертельный удар не сможете, будучи несильными; а потому я предлагаю вам согласиться сдать крепость добровольно, во избежание вредного и напрасного пролития крови, пощадив своих и моих ратников. Подумайте, что вы, следуя благоразумию, сохраните жизнь, достоинство и имущество ваше и всех командующих; в противном случае потеряете все, не внемля гласу здравого рассудка. Впрочем мой долг вам сказать, а в вашей воле избрать; только после я буду прав перед богом и человечеством. На сие послание ожидаю ответа через три часа и для того мною приказано не бомбардировать крепости впредь до получения от вас ответа.

В ожидании мирного и доброго ответа остаюсь – П.С.Котляревский. 27 Декабря 1812 года г.Ленкорань».

«Генерал Котляревский.

Получив Ваше мирное предложение, считаю своим долгом высказать вам несколько едких и горьких слов, могущих произвести на вас самое неприятное впечатление своею правдивостью, отвергая ваше мнение по пунктам. Вы пишете: «я пришёл освободить Талышинское Ханство из рук персов», позвольте мне, генерал, не верить вашим лживым словам, ибо вы, говоря откровенно и прямо, явились закабалить и угнетать талышинцев. Пока Мир Мустафа-Хан жив, ваше правительство станет защищать его ханские права, относясь к нему лично с должным вниманием и даже почётом; но как только он умрёт, его наследники лишатся своей независимости и самостоятельности, обратившись в бессловесных и несчастных рабов, по вине безумного и недалёковидного дегенерата Мир Мустафа-Хана, который преследуя только свои личные цели для удовлетворения своего властолюбия, будучи бездушным и очерствелым эгоистом, вовсе не думал о печальной и безотрадной будущности своих потомков, которые предадут его анафеме за

то, что он пригласил вас сюда, вручив судьбу своей родины неверным пришельцам – насильникам, превратив свой народ в бессмысленных плебеев. Стоны и вопли погибших людей, вовлеченных в сети себялюбца интригана - Мир Мустафа-хана лягут вечным проклятием на нем до тех пор, пока крепко стоят Талышинские горы, кои отдадут заунывные грустные звуки, оплакивая горькую несчастную участь обманутых талышинцев.

Вы пришли не освободить Талышинское Ханство «из рук персов», а расширить свою территорию за счет чужой земли. Неужели вам тесно живется в своем величайшем в мире государстве, что вы ищете простора? Отличаясь ненасытной жадностью ваши императоры поставили себе целью подчинить своей власти все слабые царства, а в особенности мусульманские, пользуясь их неподготовленностью к войне, Чем освободить чуждых вам людей, живущих на расстоянии двух тысяч верст от вас, не лучше ли избавить и спасти своих крестьян из под гнета и оков ваших помещиков?

Вы предлагаете мне «сдать крепость добровольно; в противном же случае вы будете правы перед богом и человечеством». Что за красивая и гуманная фраза? Разве вы веруете в бога? Сомневаюсь: если-бы вы веровали в него и любили-бы человечество, то вы не вели-бы своих несчастных солдат на бессмысленную бойню и на верную гибель, а пожалели бы их самих, жен и детей и дали-бы им спокойно жить на родине, а не водили- бы их на такую даль из-за пагубной прихоти вашего царя. Вы пишете: «во избежания напрасного пролития крови». Кто служит причиною пролития крови? Мы или вы? Оставив свою страну, невзирая на колоссальную её величину, вы как разбойники, вломились в наши пределы, грабя и убивая нас безжалостно. Мы о вас и не думали, но вы вторглись в наш край, изумив нас своим кровожадным дьявольским ликом, заставляя нас упорно сопротивляться, чтобы не лишиться своей независимости и самостоятельности, стараясь удержать нашу золотую волю и свободу в своих руках. Мы с вами не воюем, а обороняемся от вас, как от нападающих диких хищных зверей, заявляя вам

категорически, что мы все костью ляжем и поголовно умрём, а не сдадим крепости вам добровольно. Вы указываете мне на Асландуз, где ваш «двухтысячный отряд», будто бы одержал победу над нашей «тридцатитысячной армией». Стыдно вам, генерал, врать, надо говорить правду, не скрывая истинного завершившегося факта, и не хвастаться своею победою, одержанною вами над нами, благодаря подлой измене наших войск. Если вы забыли об этом возмутительном событии, то я напому вам: питая злобу и неприязнь к Аббас-Мирзе за его строгое обращение с ними, сарбазы желая отомстить ему, подняли белый флаг в числе 10500 воинов, и добровольно сдались в плен, сложив свои оружия перед вами, надеясь на получение спасения от вас; но вы, обезоружив их, лишившись совести и жалости, перебили десять тысяч аскеров, оставив в живых только 500 человек, как трофею победы. Позор и стыд. Это достойный урок изменникам и клятвонарушителям, но и в то же время хорошее предупреждение для остальных вероломных воинов, дабы они не обманывались и не обольщались вашими коварными и лживыми обещаниями. И после этой гнусной варварской казни, совершённой вами над невинными людьми, добровольно предавшимися вам, вы смеете говорить о любви к человеку. Мне жаль ваших храбрейших солдат, служащих слепым орудием для достижения вашей разбойничьей цели: ваше начальство вознаградит только вас одних, как полководца, орденами и даже крупной денежной суммой за героический и отважный подвиг ваших доблестных солдат, коих оно обойдёт.

Ещё один пример «великой гуманности» поступка начальника отряда подполковника Ушакова, заслуживающий с вашей стороны «похвалы и одобрения»: не вступив с вами в бой из-за моих больных сарбазов, я второпях оставил Аркевань и направлялся к Ленкорани по лесистой дороге, желая спасти их от пленения, а позади следовали на обозе больные в сопровождении безоружных обозных людей и русских беглецов, в числе 350 человек, их коих больных воинов было 260, конюхов 40, а беглых солдат 50.

Достигнув всех их на пути, батальон Ушакова взял в плен только русских беглецов, а всех остальных, числом в 300 лиц, изрубил шашкою, не оставив ни одного живого, как «бусурман», несмотря на то, что они являлись живыми мертвецами. Так ли понимается вами любовь к людям? Где ваш бог – Иисус, говорящий: «люби ближнего, как самого себя и поднявши меч от меча погибнет». Где сказано, что надо убивать пленных, да ещё больных? На это зверство, свирепость и жестокость способны только ваши солдаты. Основываясь на вашем евангельском изречении «поднявши меч, от меча погибнет». – я уверенно предсказываю и предвещаю, что настанет то счастливое для Персии время, когда ваши солдаты, восставши против своих правителей, сами убьют всех генералов вместе с царём за то великое зло, какое они совершали над соседними государствами и от них не останется никакого следа.

Если бы наши бывшие подвластные ханы обладали бы прозорливостью, чувством солидарности и менее следовали бы своим личным интересам, то мы, соединившись вместе, сумели бы доказать свою правоту, но они обманулись и после будут каяться в своих необдуманных ошибках, но тогда будет поздно.

«Во избежание пролития крови», я советую Вам пожалеть своих солдат и не принуждать нас сопротивляться, а вернуться обратно туда, откуда вы, как вредные и злые пришельцы, явились, оставив нас в покое: мы будем решительно и отчаянно обороняться и биться с вами до смерти за землю наших предков и за благополучие наших будущих поколений. Сжальтесь над людьми и перестаньте истреблять их: мы никому жизнь не давали, и отнять её у других не имеем никакого права: а потому вы не посылайте своих солдат на верную гибель, так как мы без ожесточённой борьбы не сдадим крепости.

Комендант крепости – Садах, 27 Декабря 1812 года»

Бомбардировка крепости и второе письмо Котляревского к Садах-Хану.

По получении упомянутого письма, считав себя оскорблённым и видя, что неприятель упорствует и категорически отказывается от добровольной сдачи крепости, Котляревский приказал открыть огонь по ней из артиллерийских орудий и для большого действия бомбардировки с одного из военных судов была свезена трёхпудовая мортира на берег. В течение двух суток – с 28 и 29 декабря – русские батареи непрерывно и безостановочно обстреливали крепость, не причиняя ей никакого вреда, ибо небольшие снаряды полевых пушек не могли пробить крепких глинобитных стен, а от навесных выстрелов гарнизон укрывался под кровлями, прислонёнными к внутреннему скату бруствера – земляного вала; поэтому бомбардировка не обещала большого желанного успеха. Видя, что бомбардировкою цель не будет достигнута, Котляревский вторично послал Садых-Хану письмо, в котором он убеждал ханов, чиновников и гарнизон, пощадить себя, жен и детей и имущество и не упорствовать в бесцельной обороне, написав письмо следующего содержания: «Я и все войска под моей командой не отступим от крепости, не покорив ее оружию великого Российского государя. Начиная от меня и до последнего солдата, все мы или умрем или возьмем крепость. Жду ответа через три часа.»

Садых-Хан и войска его решили положить свои головы за родину, не сдать крепость добровольно и не отступать перед врагом; а потому Садых-Хан не счел нужным ответить на сие письмо, дав приказ по гарнизону такого содержания: «Приказываю всем командирам и сарбазам находиться безотлучно на своих позициях для оказания отпора злому врагу, намеревающемуся штурмом завладеть крепостью, игнорируя всякую опасность, не щадя своей жизни. Любя глубоко свою отчизну, мы должны отчаянно и упорно сопротивляться и сражаться до смерти, стараясь всеми силами удержать крепость в своих руках и доказать разбойникам, что мы сумеем жертвовать собою для спасения родины. Будьте все вы готовы к сопротивлению, ибо неприятель лезет к нам как бешеный волк. Пусть все

берутся за оружие, кто только умеет владеть им. Словом, обороняйтесь и храбро защищайтесь до смерти, но не сдайтесь кафиру, который по взятии крепости, ожесточившись и свирепевши никому не даст пощады и не оставит в живых никого, даже детей и женщин; а потому лучше умереть славною смертью, сражаясь смело и стойко за родину, нежели быть растерзанными лютыми северными медведями.»

Положение Котляревского становилось довольно серьезным: надежда на добровольную сдачу гарнизона рассеялась, а между тем снаряды приходили к концу и люди сильно терпели от холода; кроме того, получилось известие о том, что Аббас-Мирза идет с большими силами на выручку Ленкорани, вследствие чего оставалось одно из двух: или отступить, или штурмовать. Котляревский решился на последнее средство, написав в своем приказе по воинству следующее: «Истошив все средства принуждения неприятеля к сдаче крепости и найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить оружием российскому, как только силою штурма. Решаясь приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить и упреждать всех офицеров и солдат о том, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или умереть; за тем мы сюда и присланы. Я предлагал два раза неприятелю о сдаче крепости, но он упорствует; так докажем ему, храбрые солдаты, что штыку русского воина ничто противиться не может. Не такие крепости брали русские и не у таких неприятелей, как персияне.»

Выражая уверенность в храбрости и доблести своего войска Котляревский заключил свой приказ сиими словами: «Ежели бы сверх всякого ожидания, кто трусил, тот будет строго наказан, как изменник, и здесь, вне границ, труса расстреляем или повесят, несмотря на чин.»

«Диспозицию, отданную вместе с приказом определялся на три штурмовые колонны, которые должны были овладеть стенами и батареями, одну колонну для производства фальшивой атаки и резерв для прикрытия батарей.»

Штурм был назначен в 5 часов утра, и войска были предупреждены о том, что отбоя не слушать: его не будет до тех пор, пока неприятель не сдастся или окончательно не будет истреблен; если же ударят отбой прежде этого времени, то считать его за обман.

В ночь с 31 декабря на 1 января 1813 года штурмовые колонны за долго до рассвета заняли указанные им места и в 5 часов утра двинулись в строжайшей тишине к стенам крепости. Противник был заранее предуведомлен об атаке и встретил штурмовавших жестоким огнем; но несмотря на это, войска быстро перешли ров, приставили лестницы и смело полезли на стены; но тут они наткнулись на страшное сопротивление: все, что только могло быть употреблено для того, чтобы нанести вред штурмовавшим, было пущено осажденными в ход со страшным ожесточением: пики, камни, рогатки и ручные гранаты. Все попытки взобраться на стены оканчивались массой жертв, пораженных в упор. В числе первых гибли офицеры, воодушевлявшие солдат. В самом разгаре этой бойни пал начальник первой колонны – храбрый подполковник Ушаков.

В этот опасный момент над трупом Ушакова появляется сам Котляревский, который, хотя получил рану в ногу, не смутился и указав властно солдатам рукой на лестницу, громко закричал: «Сюда ко мне». Знакомый голос любимого полководца сразу ободрил смутившихся солдат, которые увидев своего начальника в ряду сражавшихся, смело хлынули к стенам, но в это время две пули, пущенные врагами сверху, поразили отважного вождя, который, будучи тяжело ранен, окровавленный свалился на трупы погибших солдат.

Казалось бы, что это несчастье должно было снова и еще более смутить едва ободренные войска; но воодушевление, данное личным примером Котляревского было настолько велико, что чувство самосохранения бесследно исчезло в каждом бойце, оставя место лишь одной неутолимой жажде мщения за гибель вождя; а потому началось ужасное соревнование в страшной борьбе с упорными оборонителями: солдаты лезли на стены, как бы не замечая грозившей им опасности, хватались руками за дула неприятельских ружей, или погибали от выстрелов в упор или втаскивались самими же врагами на стены и гибли там в неравной битве. Наконец, после невероятных усилий удалось таки храбрейшему из храбрейших водрузить знамя победы на стене укрепления: достойный сподвижник Котляревского – майор Грузинский Абхазов успел с ротой grenадер взобраться на вал крепости и завладеть батареею. Найденное тут заряженное орудие было тот час повернуто на город и град картечи обдал неприятеля, спешившего сбросить обратно со стены горсть взобравшихся grenадер; но все усилия персиян сбить Абхазова были напрасны; а потому остальные две колонны тоже взобрались на стены, пользуясь успехом первой. Противник был всюду отброшен во внутрь крепости; но и здесь продолжался такой упорный страшный бой, что, по словам персидского историка, «мышцы рук от взмаха и опускания меча, а пальцы взвода и спуска ружейного курка в продолжение шести часов были лишены всякой физической возможности насладиться отдохновением, так как бой на стенах и в крепости был до того кровопролитен, что молнии, гром пушечных выстрелов и даже сами облака разразились каплями кровавого дождя.»

Ожесточение русских войск достигало высшей степени своего озлобления и мести: все живое человеческое существо, встречавшееся на пути рукопашной битвы, погибало под штыками и шашками свирепевших озлобленных солдат, не исключая даже грудных малюток, беременных женщин, старух и стариков. Соппротивление сделалось немыслимым и уцелевшие еще

защитники, оттесненные к береговой стороне крепости, начали бросаться в реку, надеясь спастись на противоположном берегу ее; но и здесь встречала их меткая картечь двух пушек, заблаговременно поставленных на правом берегу речки Ленкоранки, под прикрытием 80 стрелков. Беглецы поворачивали снова к левому берегу для своего спасения; но они и тут наталкивались на штыки и пули гренадерской роты, назначенной по диспозиции для производства фальшивых атак во время штурма. «Этим перекрестным огнем, как доносил потом Ртищев своему государю, нанесено столь сильное поражение неприятелю, что река сделалась кровавою; русские воины обратили всех персиян в море и провожали их до него с обоих берегов ружейными выстрелами. Это было не поражение, а почти поголовное истребление неприятелей, урон коих по донесению Ртищева, превосходил всякое ожидание: из всего персидского гарнизона никто не спасся, ибо все легли на поле сражения, положив героически свои головы за свою родину. Сам сердар Садах-Хан и все бывшие с ним ханы пали жертвами в потерянной ими крепости; более 2500 оказались убитыми на стенах и в самой крепости, а остальные утонули в море и реке, и пленных никого не взято, так как все они пали под штыками ожесточенных упорным сопротивлением солдат, не пощадивших даже детей и женщин.»

В руки победителей достался следующий трофей: два знамени, восемь английских орудий, золотая с бриллиантом в конце булава Садах-Хана, означавшая его достоинство, большие запасы пороха и снарядов и богатый магазин с провиантом.

«Однако не дешево достался этот успех и нам, как доносил Ртищев государю императору Александру Благословенному; в течении шести часового штурма мы потеряли убитыми и ранеными 40 офицеров и 910 нижних чинов, т.е. более половины всего отряда. В отдельных же частях убыль еще больше, как например: в 17-ом егерском полку, где из 296 человек, бывших на штурме, уцелело 74 воина, т.е. осталось в живых только четвертая часть. Впрочем

никакая потеря со стороны войск вашего императорского величества, рапортовал Ртищев царю, не может сравняться с важностью взятия сией крепости при Каспийском море, построенной английскими инженерами, почитаемой персиянами неприступною, и слава оружия вашего величества, приобретенная сим беспримерным штурмом, пребудет незабвенна. В позднейшие времена предается, что только 1500 российских воинов приобрели столь важную крепость, сражавшись против четырехтысячного персидского гарнизона, защищенного сильными укреплениями и вооруженного всеми вредоносными способами для отражения доблестных россиян.»

«Действительно велик был подвиг, совершенный русскими войсками под Ленкоранью, как повествует военный историк Потто на втором томе своей книги «Утверждение русского владычества на Кавказе», но тяжесть нанесенных потерь была несоразмерно велика тем, что в числе непоправимо изувеченных был и сам «бич персиян» славнейший герой и гордость Кавказских войск – Котляревский, блестящим концом боевой деятельности которого является Ленкоранский подвиг – взятие с боя крепости. Он был извлечен из под груды трупов почти мертвым и не подавал никаких признаков жизни: лицо его было совершенно обезображено, правый глаз совсем вытек из орбиты, верхняя челюсть раздроблена, осколки ее торчали в страшной зияющей ране и из простреленной ноги шло много крови. Однако, при более тщательном исследовании обнаружилась еще тлевшая искра жизни, и благодаря скоро оказанной медицинской помощи, он был вырван из когтей смерти и спасен: сильный, закаленный в бою организм дал ему физическую возможность, несмотря на тяжесть ран, не оставлять своего отряда и распоряжаться устройством Талышинского ханства; а осознание важности совершенного им подвига смягчало жестокие страдания героя.

«За этот отличный подвиг, говорит Потто, Котляревскому была пожалована необычная для его лет награда – орден святого Георгия 2-й степени. Кроме

того, он получил единовременно шесть тысяч рублей наличными деньгами пособия. Всем войскам, бывшим в Талышинской экспедиции, было объявлено высочайшее благоволение, а нижним чинам вдобавок пожаловано по одному рублю на человека.»

«Оставив в Ленкорани отряд под начальством капитана 1-го ранга Веселого, Котляревский с остальными своими войсками выступил обратно в Карабаг. Печален был этот обратный поход: не слышно ни музыки, ни песен; медленно и уныло шли войска за сделанными из бурки носилками, оберегая покой лежащего на них измученного страданиями любимого полководца. 29-го января 1813 года отряд вступил в Агоглан, откуда вскоре Котляревский отправился в Тифлис, где он недолго оставался: получив от главнокомандующего двухмесячный отпуск, он выехал в июне 1813 года из Тифлиса в Россию и поселился навсегда в сельце Александрове Махмутского уезда, где он, вышедши в отставку, приобрел маленькое имение с пособием от казны. Находя единственное утешение в молитве, Котляревский выстроил в своем поместье церковь, куда он выписал своего престарелого отца – протоиерея который и прожил со своим сыном до самой смерти.»

Потто не промолвил единым словом о нижеследующих фактах: не питая никакого доверия к Мир Мустафа-Хану, как к единоверцу с персиянами, Котляревский вовсе не разрешил его аскерам принять участие в штурме крепости; но только позволил им оказывать свою помощь солдатам в доставке и заготовке необходимого количества лестниц и других нужных для военных действий предметов; поэтому они охотно исполняли только черные работы, как-то: возили и рубили дрова для топлива и кухни, таскали воду, заранее приготовили лестницы, приставляли их к стенам крепости, подавали артиллерийские снаряды для заряжения орудий во время бомбардировки вражеских позиций, кормили, поили и чистили лошадей, мыли кухонную посуду, словом, обслуживали нужды войск, дабы освободить солдат и казаков от исполнения тяжелых физических трудов.

Во все время своего пребывания в Гамушевани и Ленкорани русская армия находилась в полном иждивении Мир Мустафа-Хана, который очень заботился не только об офицерах, но также о нижних чинах, как о своих освободителях и спасителях от грозившей ему гибели, старался усердно кормить их вдоволь изысканными наилучшими азиатскими кушаниями, в особенности вкусными пловами и разными к нему приправами, составлявшими собою в тогдашнее время редкое лакомство для всех русских военных чинов. Пища для войск готовилась опытными ханскими поварами под непосредственными наблюдениями военных врачей. Словом, Мир Мустафа-Хан принимал все возможные меры к тому, чтобы содержать в довольстве всех воинов, как своих защитников, во избежание нареkania и ропота со стороны офицеров и нижних чинов, отпуская им немедленно все необходимые съестные продукты, по требованию их.

Несмотря на искреннее и добросовестное отношение к русским и старание его угодить на них во всем, исполняя нужды и желания их немедленно, Котляревский доносил Ртищеву о том, что Мир Мустафа-Хан имеет ориентацию к Персии, а к Россию питает вражду. Это донесение лишено всякого вероятия и справедливости, являясь ложью и клеветой, так как Мир Мустафа-Хан очень хорошо знал, что императорская армия служила ему охранительницею и защитницею его прав, независимости и благополучного существования: а потому он относился к русским с глубокою признательностью и с большим уважением, сознавая, что он своим спасением обязан им.

Военный историк Потто в своей книге «Утверждение русского владычества на Кавказе», описав подробно Ленкоранское событие, совершенно умалчивает о той громадной материальной помощи, какую Мир Мустафа-Хан оказывал русской императорской армии во все время военных действий, исполняя немедленно все законные требования Котляревского для удовлетворения необходимых материальных нужд войск. Что – же касается роты 1-го ранга

капитана Весёлого, состоявшей из ста ратников, по взятии Ленкоранской крепости, то она, как охранительный вспомогательный отряд, содержалась исключительно на средства Мир Мустафа-Хана, при котором безотлучно находился вахтенный офицер, а солдаты, как стражи-телохранители, стояли в назначенные часы на почётном карауле, оберегая его от опасности, как высокопоставленную владетельную особу.

По смерти Мир Мустафа-Хана, наследовал ему, по завещанию своего отца, его родной сын – Мир Гасан-Хан, который по вступлении в управление своим независимым ханством, встретил на своём пути неожиданные, негаданные препятствия и враждебное отношение к себе со стороны царского правительства: желая дискредитировать его авторитет среди крестьян и ликвидировать навсегда ханство для превращения в русскую провинцию, оно строго запретило ему иметь свой самостоятельный суд и вмешиваться в разбирательство жалоб и спорных дел крестьян, что подсудно ведению царского правительства, разрешив ему собирать только доходы со своего имения, считая по десятой части получаемого урожая хлебного зерна, обязав вдобавок всех жителей платить подать государству. При этом всем родственникам Мир Гасан-Хана и даже ему самому запрещено было называться ханами, а должны были титуловать себя беками. Такое враждебное действие тогдашних русских правителей, взволновало и выводило из терпения Мир Гасан-Хана, в котором зародилась мысль о восстании, дабы освободить свою родину от порабощения и поднять народ для оказания отпора против агрессии ради спасения и освобождения Талыша из-под гнёта поработителей, ожидая для этой задуманной цели удобного случая. Он скрывал свою тайну от всех и не говорил даже самым близким людям, боясь распространения её. Намереваясь подготовить и собирать ратников, он объявил всем о перенесении своей резиденции в селение Бяллябырр, мотивируя сырым, вредным ленкоранским климатом, пагубно отражающимся на его здоровье, для чего он сделал распоряжение о

постройке в двух километрах от упомянутого селения на горе крепости из местного камня, дабы обезопасить себя от разбойничьих нападений, а затем, по окончании её, приступить к построению ханского дворца. Невзирая на враждебное отношение военных и гражданских чинов к нему, Мир Гасан-Хан приглашал еженедельно по воскресениям всех офицеров, командиров и начальников к себе на обед и угощал их вдоволь разными вкусными кушаньями и дорогими заграничными напитками, чтобы доказать им своё миролюбие и дружбу. Хотя военный штаб, командиры, офицера и войска жили на острове Саре в помещениях, заранее построенных Мир Мустафа-Ханом, боясь внезапного нападения неприятелей, но они охотно приезжали на киржимах в город на приглашение, несмотря на дальность расстояния.

Во время отсутствия из дому Мир Гасан-Хана, ездившего в Астаринский магал собирать доходы с имения, майор Ильинский и гвардейский офицер Азимбек Алхазов ворвались во дворец и с помощью солдат устранив сопротивление со стороны нукеров, похитили сестёр – Бягим Ага-Хануму и Беюк Хануму – и увезли их с награбленным ханским добром на остров Сару, где Бягим-Ага-Ханума, которую сватали за персидского наследного принца, вышла замуж по любви за Азимбека, а другая – Беюк-Ханума уехала с Ильинским в Петербург, где она обвенчалась в церкви с ним, по принятии православия.

Возвратившись домой, Мир Гасан-Хан нашёл свой дворец опустошённым и ограбленным дотла: все драгоценное сокровище и сестры похищены и увезены императорскими правителями, прибывшими на Талыш для охраны ханского имущества и водворения порядка и спокойствия в крае. Грабёж и насильственный увоз сестр, составлявшие собой бесчестие и позор, причинили Мир Гасан-Хану моральную пытку, унижая и срамя его достоинство, а потому он, находясь под гнётом душевного терзания, заявил своим советникам: «Сколько добра на делай этим царским чиновникам, сколько их ни корми самыми вкусными кушаньями, яствами и снадобьями,

сколько ни напайвай их дорогими заграничными напитками, они, как свиньи, не поймут: забыв моё знакомство и широкое гостеприимство, они, потеряв совесть и стыд, нанесли мне кровную обиду и непростительное оскорбление, а потому я должен отомстить им, зная хорошо, что меня постигнет неудача, не имея достаточных сил бороться против них».

Желая освободиться из-под ига иноверных притеснителей, все Закавказские ханы, вошедши между собой в общее согласие, восстали против русского владычества, а оставался нейтральным только Мир Гасан-Хан Талышинский, будучи утверждён главнокомандовавшим Ермоловым 14-го июля 1821 года в звании владетельного хана с сохранением своей независимости, но после упомянутого оскорбительно-позорного дела, совершённого офицерством, он не мог оставаться в покое, а потому он объявил войну оскорбителям в июле 1825 года, отправив заранее свое семейство со всеми нужными домашними вещами с большим запасом провианта в самое глухое отдалённое от города талышинское селение Гагарон, находившееся на горе в чаще густого леса.

Хотя все старики и родственники искренно советовали Мир Гасан-Хану успокоиться и терпеливо нести удары грубой ошибки и оплошности своего безумного отца, приглашавшего на свою беду «русов» на Талыш, мотивируя тем, что его затея принесёт ему большой вред, а не пользу, но он не послушался их, сказав им: «Лучше пасть на поле сражения и борьбы с врагом за освобождение родины из-под гнёта поработителей, нежели стонать в рабстве под ярмом угнетателей».

Не имея в достаточном количестве военных сил, Мир Гасан-Хан организовал из самых храбрых и преданных ему сарбазов партизанские отряды, которые, увлекая солдат глубже в лес, наносили им страшный урон, стреляя из ружей по ним из-за скалы и толстых деревьев.

Опасаясь дурных и пагубных последствий родные братья, родственники и жители талышинских селений вовсе не принимали никакого участия в

восстании против «русов», отказавшись категорически в помощи Мир Гасан-Хану, которому помогали шахсеванские беки со своими всадниками.

Хотя Мир Гасан-Хан, благодаря густому лесу и гористой местности успешно вёл партизанскую войну с русскими войсками и наносил им чувствительный урон, стреляя по ним из естественной позиции при приближении их, но видя, что крестьяне и даже все родные открыто помогают неприятелям, и приняв во внимание наступление ранней суровой зимы, он, прекратив неожиданно военное действие, бежал со своими ратниками и семейством в ноябре того же года в Персию, собиравшуюся воевать в наступающем году с Россией, предъявляя ей большие требования при разграничении владений в Карабаге, а особенности в Талышинском ханстве.

Приехав в Тавриз, Мир Гасан-Хан представился со своими воинами наследнику принцу Аббас-Мирзе, который приняв всех любезно и приветливо, забыв прежнюю вражду, зачислил их в свою армию и в июне 1826 года начал войну с русскими войсками, находившимися под предводительством генералов Ермолова и Паскевича.

Невзирая на храброе и мужественное сражение персидских войск с русскими, Аббас–Мирза потерпел полное поражение, вследствие чего он принуждён был заключить 10 февраля 1828 года в Туркманчае мир, по которому Персия уступила России Эриванское и Нахичеванское ханства, предоставив ей право на свободное плавание русских судов по Каспийскому морю, держать военный флот на нём и обязалась уплатить двадцать миллионов рублей контрибуции.

Сражаясь мужественно вместе со своим отрядом против русской армии, шедшей на наступление под начальством Ермолова, Мир Гасан-Хан погиб в рукопашной битве с солдатами при взятии Ардебиля, искупив таким образом своею кровью то коварное, подлое предательство, которое было допущено

его отцом по отношению к Персии, как повествует народное талышинское сказание.

После ожесточённой кровопролитной бойни, погубившей массу невинных людей, по заключении мирного договора между воевавшими странами, настало в политическом отношении спокойное затишье, как после шторма штиль, а потому Аббас–Мирза хотел забыть свои душевные тревожнения и страдания и предаться семейной радости и с этой целью устроил пышную свадьбу, выдав свою дочь замуж за сына павшего на поле сражения Мир Гасан-Хана Мир Казым-Хана, отличившегося на войне своею храбростью, отвагою, мужеством и смелостью, подарив ему Наминское ханство, где потомки его живут и в данное время.

Часть Талышинского Ханства, принадлежавшая Мир Гасан-Хану, была отобрана в казну за измену России.

Старшая дочь Мир Мустафа-Хана – Бягим-Ага-Ханума умерла бездетно; а потому следуемая ей часть имения перешла в пользу своего мужа – Азимбека Алхазова; младшая же дочь – Беюк-Ханума, находившаяся замужем за майором Ильинским, скончалась в Петербурге, оставив большое богатство родственникам Талышинским, не имев своих собственных детей и родных по мужу.

Байрам-Алибеков Теймурбек.

1-го сентября 1885 года.

г.Ленкорань.

Вышепомещенные исторические сведения о Талышинском ханстве, о письме английского консула, о сватовстве дочери Мир–Мустафа-Хана за Аббас–Мирзу, о заключении военного союза между Фет-Али–Шахом и Мир Мустафа-Ханом, об измене последнего первому, о приглашении «русов» на

Талыш, об ответе Садах-Хана на письмо Котляревского, письмо Аббас-Мирзы к Садах-Хану и о приказе последнего по войску записаны мною 1-го сентября 1885 года со слов следующих лиц: генерал-майора Мир-Ибрагим-Хана и Мир-Аскер-Хана Талышинских, сообщивших упомянутые известия на основании официальных документов, найденных в канцелярских делах Мир Мустафа-Хана. Письма были переведены с персидского на русский мною с помощью Мир-Аскер-Хана Талышинского.

Что же касается военных действий Котляревского, то сведения о них взяты мною из второго тома военной истории Потто «Утверждение русского владычества на Кавказе».

Байрам-Алибеков Теймурбек.

1-го сентября 1885 года.

г.Ленкорань

Адрес: ул. Нар. Востока, дом №36, третий этаж, квартира 23-ья.

*«Благодаря измене Мир Мустафа-Хана Талышинского Фет-Али-Шаху Персия лишилась в Закавказье своих владений и должна была допустить военный флот на Каспийском море, по Гюлистанскому миру, заключённому между Персией и Россией 12-го октября 1813-го года в селении Гюлистане, находящемся в Шушинском уезде».

Байрам-Алибеков Теймурбек.

1-го сентября 1885-го года .

г.Ленкорань.